

встрече». И ещё: «...Ход мысли не всегда верен. Но если человек стремится к той же звезде, мой долг – его уважать, ибо мы братья по Духу. [...] Человеком движут прежде всего побуждения, которых глазами не увидишь. Человека ведёт дух. В пустыне я стою ровно столько, сколько стоят мои божества».

Для Сент-Экзюпери уважение к человеку есть «пробный камень», потому что **«Основа всякой культуры, прежде всего – в самом человеке. Прежде всего, это – присущая человеку слепая, неодолимая жажда тепла. А затем, ошибаясь снова и снова, человек находит дорогу к огню»**. Здесь он возвращает нас к пониманию человека как идеологического центра для французских гуманистов. «Восхождение к вершинам», по мысли Сент-Экзюпери, предполагает творческие противоречия, а значит, уважение к человеку, который поднимается к этим вершинам по другому склону.

Хотя Сент-Экзюпери постоянно чувствует своё «надстояние» над человечеством, ему, тем не менее, присуща глубочайшая внутренняя целомудренность и отсутствие снобизма. В этом парадокс и особое обаяние позиции Сент-Экзюпери и его духовного мира в целом. Быть «над», а не «вне», переживать трагедийность мира как нечто собственное. В этом и можно найти его особую, постоянно подчёркиваемую, близость с французским философом-теологом XVIII века **Блезом Паскалем**.

Понимание трагичности духовного облика Сент-Экзюпери невозможно без понимания меры (воистину – мерой является **Чаша Грааля!**) испытываемого им страдания из-за пустоты эпохи, отсутствия духовности и нежелания приобщаться к ней. Отсюда столь резкие, в духе Руссо, оценки Сент-Экзюпери: «...Во всей этой человеческой пустыне нет ничего, что согревало бы мне сердце. Мне больно за моё поколение, из которого вылучена вся человеческая суть. Люди не хотят, чтобы их пробудили к какой бы то ни было духовной жизни. Я всеми силами ненавижу нашу эпоху. В наши дни человек умирает от жажды. [...] Ах, генерал, весь мир поставлен перед одной проблемой, одной-единственной. Вернуть людям духовную значительность. Духовное беспокойство. Омыть им слух чем-нибудь вроде григорианского псалма. Если бы я был верующим, то, пережив эпоху «грязной, но необходимой работы», непременно ушёл бы в Солем (старинный бенедиктинский монастырь – прим. ред.), не в силах вынести ничего другого... Есть только одна проблема, одна-единственная, состоящая в том, чтобы **вновь открыть жизнь духа**, которая выше всего, в том числе и жизни разума. Открыть единственное, что может принести человеку удовлетворение. (Из неотправленного письма генералу Шамбу, июнь 1943 г.)

Позиция Сент-Экзюпери, учитывая его одиночество, была глубоко трагична. Отзвука своим настроениям и идеалам он почти не получил, особенно с

уходом близких ему людей. «Крылатый рыцарь добра» значительно обогнал свою эпоху по высоте духа, и идеалы добра попросту передал грядущим поколениям, т.е. нам с вами. Его личная гибель завершила его духовную трагедию. Здесь абсолютно чётко работает эзотерическая формула: «Познание и любовь – одно, и страдание – мера их». Мера страдания Сент-Экзюпери говорит о высочайшем познании окружающего мира и о высочайшей любви к нему.

Он оказался духовной вершиной гуманизма на фоне идеологически довольно бесцветной эпохи, которая до него не доросла. Но эта эпоха ушла, и мы, наследники этого гуманиста, отдаём великую дань человеку, который сумел осветить своим сердцем кромешную тьму эпохи. Что же касается личного пути рыцаря-гуманиста к вершинам, стоит вспомнить блестящую фразу ещё одного величайшего мыслителя: **«Дух шествует к Истине дорогой отчаяния»** (Гегель Г. «Феноменология духа»).

И в заключении – слово самому Антуану де Сент-Экзюпери:

... И вновь мне ясна одна вещь. Может быть, на этой непостижимой вершине, где я восседаю в полном одиночестве, она слаще всего. Нежность к тем, кого я люблю, и ещё большая – ко всем людям. И так бывает всегда. Когда оказываешься под угрозой, чувствуешь ответственность за всех. И хочется сказать: «Да низойдёт мир в ваши сердца» (Из письма, написанного в конце декабря 1939 г.).

*М.Е. Чайковский,
Подольский культурно-просветительский
центр имени Н.К.Рериха, г. Хмельницкий*

МИРОВОЗЗРЕНИЕ УКРАИНСКОГО ФИЛОСОФА И ПРОСВЕТИТЕЛЯ XVII СТОЛЕТИЯ Г.С.СКОВОРОДЫ И УЧЕНИЕ ЖИВОЙ ЭТИКИ

На земле во все времена появлялись люди, жизнь которых определялась великой целью постижения основ бытия. Одним из них был выдающийся украинский мыслитель и писатель Григорий Саввич Сковорода. В большой монографии, посвящённой Г.С.Сковороде, философ Владимир Эрн, называя Сковороду родоначальником русской философской мысли, писал: «Основной звук, которым звучало для Сковороды мироздание и которым душа его сочувственно откликалась на впечатление жизни, родился как бы до физического рождения Сковороды в метафизической глубине космического бытия, и мудрость Сковороды есть как бы переводение в план человеческого сознания того, что уже в плане вселенского бытия умопостигаемо дано и что земной жизни Сковороды задано как подвиг свободного искания Истины и Совершенства» (13, с.36, 37).

«...Я всецело посвятил себя одной только божественной Истине», – писал в одном из писем Г.С.Сковороды. Он усматривал высшее предназначение пророка, а также философа в том, чтобы «прозреть... нечто новое, нестареющее, чудное и вечное, и сие возвещать» (9, с.362).

Живая Этика говорит: «...Великие Учителя во всех веках утверждали силу мысли, дальние миры, явление непрерывности жизни и Тонкий Мир» (3; 183). «Истина одна, но каждый век и даже каждое десятилетие своеобразно прикасается к ней. ...Даже познание языков умножит восприятия новых находений» (2; 188).

Именно последние строки из Учения Живой Этики напоминают о том, что широта познаний может способствовать прокладыванию путей к нахождению истины. Эти строки нельзя не вспомнить, говоря о необычной судьбе Сковороды. «Поистине достойно великого удивления», писал В.Ф.Эрн, что Сковорода, который вышел из среды простого народа, «становится, быть может, образованнейшим русским человеком XVIII столетия», и «перелетая ... века и пространства... сквозь трескучий шум торжествующего рационализма XVIII столетия чутко различает затихшую мудрость античности и восточно-христианского умозрения» (13, с.48).

Родившись в семье малоземельного казака на Полтавщине, Григорий Сковорода рано проявил разносторонние дарования и к наукам, и к музыке, выделяясь даже среди способнейших сверстников по учёбе в Киево-Могилянской академии.

Здесь он получил широкое познание в философии, метафизике, математике, естественной истории и богословии, других науках. Сковорода свободно владел также латынью и немецким, знал греческий и еврейский языки, поэтому Библию мог читать без перевода. Он в подлинниках изучал Платона и Демосфена, Эпикура и Марка Аврелия, Лукиана, Плутарха, Горация, Вергилия, Цицерона, Сенеку, Лукреция... Среди любимейших Сковоро-

*Коли в людині веселий дух,
спокійні думки, мирне серце,
то і все є світлим, щасливим,
блаженим. Це і є філософія.*

дою древних авторов были Ориген, Климент Александрийский, Нил, Дионисий Ареопагитский, Максим Исповедник.

Перечисляя ряд имён любимых Сковородою мыслителей, его близкий друг, духовный ученик и биограф Михаил Ковалинский без уточнения добавил: «А из новых – относительные к сим». Видимо, за этими словами кроется ответ ещё на один вопрос об источнике познаний Сковороды. Из жизнеописания Сковороды, принадлежащего Ковалинскому, можно узнать, что его учитель в годы молодости несколько лет провёл в Европе с миссией генерал-майора Вишневого, посетил там ряд стран, где смог, как пишет Ковалинский, «доставить себе знакомство и приязнь учёных, а с ними новые познания, каковых не имел и не мог иметь в своём отечестве» (2, с.375).

Какие познания имел в виду Ковалинский? Может быть, те, о которых писал в своей монографии «Философия Г.С.Сковороды», опубликованной в Варшаве в 1934 году, украинский учёный Дмитрий Чижевский. Здесь прослеживалась близость мировоззрения Сковороды с духовными течениями немецких мистиков, в числе которых назван и Якоб Бёме. В одной из своих работ Чижевский упоминал, что Сковорода очень близко стоял к теософской линии развития мысли (12, с.21). Заслуживает внимания, что говоря об источниках философии Сковороды, Чижевский одновременно подчёркивал, что не надо забывать и о глубине собственного духа этого мудреца, о духовных братьях, родственных ему «не случайными параллелями мыслей, а единством понимания мира и жизни» (11, с.6).

Вернувшись из чужих краёв, полон учёностью, но с пустым карманом, как писал о том Ковалинский, Сковорода стал преподавателем поэзии в Переяславском училище, но вынужден был уйти оттуда, так как не подчинился попыткам местного епископа наставлять его в методах обучения поэзии. Затем работал учителем в семье вельможного малороссийского дворянина. Позже не раз отказывался от предложений перейти в монашество и обещаний высокого духовного сана. Занимался педагогической деятельностью в Харьковском коллегии. И, наконец, был обвинён в ереси церковными властями за лекцию под названием «Начальная дверь к христианскому добронравью», где с отступлениями от ортодоксальных взглядов истолковывались десять библейских заповедей. «Всё то, – пишет Ковалинский, – основывалось на познании Бога...» (9, с.397).

Какими же словами говорил о Боге Сковорода? «...Теперь мало кто разумеет Бога... Однако же... все века и народы всегда согласно верили, что есть тайна, некая, по всему разлившаяся и всем владеющая сила. ...Сия невидимая натура, или Бог, всю тварь принимает и содержит;